

ТАТЬЯНА ВИКТОРОВНА РУДАКОВА

аспирант кафедры языкознания и литературоведения
Магнитогорский государственный технический университет имени Г. И. Носова (Магнитогорск, Российская Федерация)
taviru@mail.ru

ОБРАЗ ВОЛНЫ В РОМАНТИЧЕСКОЙ ЛИРИКЕ И. И. КОЗЛОВА

Статья посвящена анализу лирики И. И. Козлова, малоизученного поэта пушкинской поры. Доказывается, что поэтический мир, созданный слепым поэтом, полон зримых образов, находящихся в постоянном движении. Основное внимание в статье сосредоточено на исследовании одного из знаковых образов в поэзии Козлова – и в частотном, и в содержательном отношении – образа водной стихии. Рассматривается, как в творчестве поэта переосмысливаются традиционные характеристики этого образа. Показано, что море для поэта – это и покой, и буря, что этот образ не связан однозначно ни с линией горизонта, ни с линией вертикали. Доказывается, что почти всегда в описании водной стихии появляется повторяющееся, ритмичное движение, передается оно через образ волны. Именно поэтому основное внимание сосредоточено на выявлении специфических свойств образа волны. В результате исследования установлено, что образ волны в лирике Козлова – это и выразительная деталь пейзажа, и символ жизни, это сердце мироздания, его ритм, визуальное проявление сердцебиения мира. В результате исследования доказано, что в образе волны проявляются и реальные физические свойства этого природного объекта, и метафорическое, символическое, аллегорическое, мифологическое начала. Ритм волны в изображении Козлова передает пульсацию жизни: то напряженно пугающей, то умиротворяющей. А в самих изменениях характеристики образа волны обнаруживается связь с изменениями в мировосприятии поэта-романтика.

Ключевые слова: Козлов, лирика, морские образы, образ волны, полисемантизм

Для цитирования: Рудакова Т. В. Образ волны в романтической лирике И. И. Козлова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 1. С. 110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.441

ВВЕДЕНИЕ

Пространственные образы являются неотъемлемой частью художественных произведений, способствуя формированию у читателей целостного впечатления от поэтического мира, который мы рассматриваем как «некую художественную целостность, возникшую и существующую по своим законам, обусловленным особенностями творческого сознания поэта» [1: 6]. Как утверждал Г. П. Макогоненко, «художественное пространство представляет собой модель мира данного автора, выраженную на языке его пространственных представлений» [6: 238]. Пространственные образы, появляющиеся в литературных произведениях, могут быть географическими, вымышленными, фантазийными, изучение их дает возможность читателю лучше понять специфику мировидения поэта, своеобразие его поэтики. Необходимо учитывать тот факт, что в том,

«как изображает пространство, автор отражает свое понимание жизни, свою концепцию человека, человечества, бытия, свое видение мира материального и идеального, зримого и невидимого, метафизического, духовного и реального, мифологического и исторического» [12: 303].

И. И. Козлов – один из мало исследованных авторов пушкинской эпохи, можно выделить

лишь несколько монографических работ, ему посвященных, написанных В. В. Афанасьевым [1], П. Барзаковским¹, Н. К. Гудзием², Н. М. Даниловым³, К. А. Трушем⁴. Козлов начал писать стихи тогда, когда потерял зрение, утратив вместе с ним привычный образ жизни, которым дорожил. Но жажда деятельности, желание выразить себя никуда не делись. Они требовали выхода, и он был найден в творчестве. Поэзия стала главным способом самовыражения этого автора, являя собой не прямое отражение мира реального, а иную, перевоплощенную реальность, в которой переосмысливался собственный опыт [16: 10188].

Художественное пространство лирики И. И. Козлова, наполненное визуальными образами, не статично, оно динамично, все время находится в движении и видоизменяется. И, наверное, неслучайно, что одним из знаковых – и в частотном, и в содержательном отношении – оказывается у Козлова образ водной стихии, представленной чаще всего образами моря, океана. Следует сразу подчеркнуть, что данные образы восходят к архетипу воды, они унаследованы европейской литературой из мифологии и популярны в мировой культуре [15]. Известно, что Архилох, Алкей, Гомер, Мелеагри и другие античные поэты «в образах бури, волн, скал, гавани, корабля, плавания по морю, кормчего и кораблекрушения

описывали почти всю действительность» [8: 360], с помощью морской образности раскрывали свое видение мира и чувствование жизни. Очень часто переживания души человеческой в античной трагедии уподоблялись волнениям на море. Однако стоит заметить, что «сравнение жизни человека, народа, человечества с морем, чаще бурным, чем спокойным» [7: 267] было свойственно не только культуре античности, подобное мы обнаруживаем и в христианстве. В известном исследовании Т. А. Миллера «Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста» [8] предложен анализ морской образности в эпистолографическом наследии великих вселенских учителей (Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста). Используя такие слова, как «море», «волны», «буря», «судно», «маяк», «кораблекрушение», «кормчий» и другие, святители метафорически отражали собственные переживания, жизненные обстоятельства, описывали ситуацию в современной жизни и т. д. [4]. За долгую историю своей жизни в художественной литературе этот образ оброс множеством смыслов, каждая эпоха и новый яркий автор привносили нечто свое в его интерпретацию.

Русские романтики усвоили богатое наследие предшествующих культур, при этом значительно расширили образные возможности, разработанные предшественниками, так как были

«увлечены экспериментами со словом, с жанром, смыслом, художественным образом <...> заинтересованы изучением истории, фольклора, религии, философии, а главное – творчеством предшественников и современников» [10: 50].

Исследователи, изучающие поэзию пушкинской поры, размышляя об образе моря, выделяют и связанный с ним образ волны. Обращает внимание на это в своей монографии и Л. Я. Гинзбург, называя в ряду знаковых символов в творчестве русских романтиков и образ волны, подчеркивая, что многозначность самого слова «волна» определяется движением мысли поэта [2: 100], связывая образ волны с таинственностью, красотой природного мира, влекущего к себе человека. Косвенно касается этого вопроса в своем исследовании лирики поэтов пушкинской поры И. М. Семенко, рассматривая образ волны, например, как часть романтического пейзажа В. А. Жуковского [14: 73], П. А. Вяземского [14: 137], Н. М. Языкова [14: 207], передавая через описание волны неочевидное или явное движение, связанное с изменением состояния человека. Кроме того, исследователь отмечает, что образ волны у поэтов-романтиков может быть соотнесен не только с миром чувств, но и со стихией творчества [14: 253].

Образ волны как самостоятельный выделен в статье Б. А. Нахапетова в процессе анализа особенностей лермонтовского морского пейзажа [9]. В словаре языка русской поэзии конца XVIII –

начала XX века Н. Н. Иванова и О. Е. Иванова, размышляя о волне в русской лирике, выделили 24 смысловых варианта использования этого образа, представив в 19 группах примеры из творчества русских романтиков первой половины XIX века [3: 86–89].

И. И. Козлов как поэт формируется в русле эстетики романтизма, потому усваивает прежде всего свойственное этому художественному методу отношение к морю. Для него как для романтика море (образ, к которому он обращается, пожалуй, чаще, чем какому-либо другому пространственному природному образу) – стихия, ассоциирующаяся со свободой, неукротимостью, бунтарством, независимостью ни от кого и ни от чего. Подобно многим романтикам (и представителям европейской поэзии – Шатобриану, Байрону, и своим соплеменникам – Жуковскому, Пушкину, Боратынскому, Тютчеву и др.), Козлов образ моря соотносит прежде всего с жизнью. Он проецирует, как и другие романтики, образ моря на мир человеческой души, создавая своеобразный психологический пейзаж, визуализируя через морские образы то, что чувствует, то, о чем размышляет человек. Для И. И. Козлова в образе моря соединяются воедино четыре составляющие – прямое значение (соотносимое с понятием «море»), метафорические смыслы, символические ассоциации, мифологический подтекст [13: 522]. В каком бы контексте ни рассматривался поэтом этот образ, в первую очередь он стремился отразить в своих стихах те проявления моря, которые рождали бы в сознании читателя зримые картины, связанные с данным природным объектом.

Море в поэтическом мире Козлова – это сила, связанная и с первородным хаосом («Громада, бунтует, ревет и кипит, / И волны бушуют, и ветер шумит, / И стон раздаётся зловещих насосов» (I, 261)⁵ («Буря», 1829)), и с изначальной гармонией («Гармония слышна в волнах кипучих, / И с морем есть беседа на скалах» («К морю», 1828) (II, 3); это сила, дарующая и жизнь, и смерть по своей прихоти. Потому мощь и величие моря рождают в лирическом герое Козлова восторг, преклонение и... печаль оттого, что стать частью этого мира у человека нет возможности.

Море для поэта – это и покой, и буря, этот образ не связан однозначно ни с линией горизонта, ни с линией вертикали. Поэт воспринимает образ моря прежде всего как живое воплощение разнонаправленного движения жизни. Подобно своим предшественникам Козлов рассматривает море в системе соотнесенных с ним образов – неба, берега, дна, волн. Кажется, что взгляд поэта на море скользит то вверх – от его кромки, устремляясь к небу («Плавание», 1829), то, напротив, вниз, погружаясь в пучину моря, обнаруживая то, что скрывается на дне,

те тайны, что прячут толщи морских вод от человека («Морская тишь на высоте Тарканкута», 1829); но чаще всего поэт пытается создать живую панораму морского пейзажа, описав то бушующие, то успокаивающиеся морские волны, плещущиеся у ног и исчезающие на горизонте, чей ритм навеивает самые разные эмоции, отзываясь в душе человека широчайшим спектром чувств («Вчера в лесу я, грустью увлечен...», 1830; «К И. А. Беку», 1832).

Водная стихия в изображении Козлова может нести и благодать, и испытания, а может стать причиной гибели человека. Но почти всегда в ее описании появляется повторяющееся, ритмичное движение, передается оно через образ волны: «Сильнее шум – и волны всколыхались, / Морские чуда разыгрались» («Плавание», 1829) (I, 259). Наверное, поэтому образ волны, рожденный морем, пульсирующе расширяясь в своих смысловых значениях, оказывается связан не только с другими водными образами – океаном, рекой, потоком, но также и с иными явлениями бытия, встраиваясь в сложные метафорические конструкции, подчеркивающие движение, завораживающую плавность и бескрайность пространства воздействия:

«В пространстве я плыву сухого океана; / Нырять в зелени, тону в ее волнах» («Аккерманские степи») (I, 257); «И волны локонов душистых / На беломраморных плечах» («Графине Завадовской, урожденной Влодек», 1832) (II, 155); «Любовь рекой льется, кипит, как волна» («Берверлей», 1832) (II, 210).

Образ волны, с одной стороны, представлен в стихотворениях как выразительная деталь пейзажа: «И царский дом, и мост чрез волны» («К другу В. А. Ж.», 1822) (I, 36), с другой – как метафорический образ жизни конкретного человека, а чаще как символ жизни. Мир воспринимается поэтом подобным океану бушующих волн, а человек сравнивается с малым челном, неспособным выдержать натиск этих волн: «И мой беспарусный челнок / Разбит свирепую волною» («К Светлане», 1821) (II, 10).

Жизнь, как ее ощущает Козлов, не может быть абсолютно статичной, в ней всегда есть движение, пусть даже спокойное, порой почти сонное, ритмичность – обязательный ее атрибут. Без ритма нет жизни, ритм подобен сердцебиению, он – сущность бытия. Волна у Козлова – это сердце мироздания, его ритм, визуальное проявление сердцебиения мира. Именно поэтому волна, как и сама жизнь, может быть буйной и спокойной, угрюмой и сонной, угрожающей и успокаивающей, лелеющей и несущей гибель:

«Иль в темну ночь над бурными волнами» («Фея Моргана Ольвербг», 1822) (II, 85); «Но взревела надо мною / Смртоносная волна: / С нашей радостью земною / Ты навек разлучена» («Сон невесты», 1824) (II, 51); «Блеск розовый над сонною волной» («К Италии», 1825) (II, 37); «Не буйный ветер страшит меня, / Не шум угрюмых волн» («Добрая ночь», 1824) (II, 62).

В балладе «Венгерский лес» (1826–1827) волна, являясь частью пейзажа, окружающего лирического героя, становится образом, ритмичное движение которого соединяет водное, небесное и жизненное пространство:

«Но вот и полночь уж близка,
Сгустился мрак в долинах,
В дремоте катится река <...>
Но вот блеснул серебристый луч,
Проник и в лес, и в волны, –
И над дубравой из-за туч
Выходит месяц полный» (I, 161).

И создается живой образ, нагнетающий на человека страх и ужас: «То с тяжким стоном и глухим / Волна ночная плещет» (I, 161).

Волна, как и море в мифологии, в поэзии Козлова олицетворяется и наделяется способностью слушать и слышать, волна может стать и глухой к окружающему: «Утес и волны, всё молчал», «Внимая ропот волн морских» («Разбитый корабль», 1832) (II, 188, 187). Волна сопровождает жизнь, она и есть жизнь: «Я мчусь вдаль, мой парус веет, / Шумит разлучница волна» («Новые стансы», 1826) (II, 198). Волны, как и вода, способны помнить и передавать информацию. Это качество воды осмысливалось многими авторами, Козлов не исключение: «Чужим передает волнам / Родимых волн воспоминанья» («К другу В. А. Ж.», 1822) (I, 35). Но в поэтическом мире Козлова волны могут и забирать уходящее, скрывать его от взора человека: «Прости, прости, мой край родной! / Уж скрылся ты в волнах» («Добрая ночь», 1824) (I, 61); «Умчат невозвратные волны» («На погребение английского генерала сира Джона Мура», 1825) (II, 25). А если надо, волны могут хранить молчание: «Утес и волны, всё молчал» (II, 188). Стрдание, обида на жизнь, непонимание происходящего соединяются у лирического героя Козлова с жаждой жизни, оптимизмом, несмотря ни на что:

«Я волн и бурь не утратился, –
И в легком челноке моем
Отважно по морю пустился» («К другу В. А. Ж.», 1822) (I, 36)

Жизнь непредсказуема, свет и тьма в ней переплетены, внешнее проявление не всегда есть отражение внутренней сущности происходящего, волна дает это прочувствовать:

«Луч ясный играет на светлых водах,
Но тьма под сияньем и холод в волнах» («Ирландская мелодия», 1824) (II, 109)

Да, жизнь несправедлива, жестока, порой изощренно беспощадна в своем проявлении. Но она вечна, это качество передается и волне: «Шумишь, о Днепр, волнами вековыми!» («Киев», 1824) (II, 23); «С вечно-шумною волной» («Венецианская ночь», 1825) (II, 29).

В некоторых стихотворениях волна сравнивается с дыханием возлюбленной:

«И волны тихие вздымаются порой,
Как перси нежные невесты молодой,
Которая во сне о радости мечтает...»
(«Морская тишь на высоте Тарканкута», 1828). (С. 358).

Именно об этом многие стихи Козлова. Именно поэтому море безбрежно и могуче, небо высоко и безгранично, звезды яркие и недостижимы для лирического героя сейчас, но не потом. Потом все будет. Это жизнь, которую поэт принимает, хотя со многим и не согласен. Он свыкается с мыслью, что страдание – необходимая составляющая бытия, которая поможет лучше понять и больше ценить жизнь:

«О дивном шепчет бор густой,
Шумят о неизвестном волны;
Надежду, радость, горе, страх,
Тоску о невозвратных днях,
Невольный ужас мрачной бездны,
Влеченья сердца в мир надзвездный
От них, сливаясь с душой,
Несет нам голос неземной.
И тихо в думу погруженный,
Ты взор обводишь вокруг себя,
Ты полон жизни вдохновенной,
Мечтая, чувствуя, любя» («К И. П. Мятлеву», 1834). (II, 246)

Это осознание отразилось и на образе волны. Каждая волна неповторима, она приходит и невозвратно уходит, как время жизни человека:

«Уже тех волн мы в море не найдем,
Которые в нем раз переплывем...» («Элегия», 1830)
(II, 115);
«Волна несется за волною
Или, встревожена порой,
То зашумит, то засверкает, –
И невозвратно утекает» («К И. А. Беку», 1832)
(II, 200–201).

Пусть проходит любовь к конкретной женщине, но любовь как таковая остается, пусть по-

гибнет пловец, но песня его будет жить в веках. Вот основная мысль поэзии Козлова. Читая его стихи, проникаешься его грустным оптимизмом. Волны времени беспощадны, они быстро смывают следы твоего пребывания в мире в небытие. Поэтому умей сейчас наслаждаться жизнью во всех ее проявлениях.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Образ волны представлен в лирике И. И. Козлова полисемантическим. В нем проявляются и реальные физические свойства этого природного объекта, и метафорическое, символическое, аллегорическое, мифологическое начала. Поэт показывает образ волны как часть бытия, одной формулой его охарактеризовать невозможно, ибо он противоречив и многолик. Волна – образ динамичный, в поэтическом мире Козлова не соотносится с какой-то четкой ориентированностью в пространстве, она разнонаправлена. Ритм ее передает пульсацию жизни: то напряженно пульсирующей, то умиротворяющей. В изменениях характеристики образа волны (как и связанных с ним образов моря, реки и т. д.) просматривается связь с изменениями в мировосприятии поэта [3]. Первые поэтические произведения Козлова передают трагичность, ощущение внутреннего ужаса перед лицом жизни, лишившей его привычного мира, все представляется ведущим к неминуемому пугающему концу. И образ волны оказывается связан с темным, разрушительным началом, передает эмоции автора. Но проходит время, и Козлов свыкается с новым положением, осознает, что потеря зрения не привела к утрате жизни: она раскрывается для поэта в новых ракурсах, дарит новые ощущения. Поэтому в поздней лирике волна, как и мир, уже не пугает, а умиротворяет и радует.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Барзаковский П. Иван Иванович Козлов (1779–1840). Одесса, 1902. Вып. 9. 31 с.
- ² Гудзий Н. К. И. И. Козлов – переводчик Мицкевича. Симферополь, 1919. 16 с.
- ³ Данилов Н. М. Иван Иванович Козлов. Пг.: Типография Импер. АН, 1914. 61 с.
- ⁴ Труш К. А. Очерк литературной деятельности И. И. Козлова. Биография. Список изданий и переводов. Характеристика поэзии И. Козлова. Отзывы критики. М.: Типография лит. творчества И. И. Кушнерёв и К, 1899. 32 с.
- ⁵ Козлов И. Собрание стихотворений Ивана Козлова: В 2 ч. СПб.: В типографии III Отд. Совет. Е. И. В. Канцелярии, 1840. В статье цитаты приводятся по этому изданию с указанием в круглых скобках части и страницы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьев В. В. Жизнь и лира: художественно-документальная книга о поэте Козлове. М.: Дет. лит., 1977. 190 с.
2. Гинзбург Л. Я. О лирике. Л.: Сов. писатель, 1974. 409 с.
3. Иванова Н. Н., Иванова О. Е. Словарь языка поэзии (образный арсенал русской лирики конца XVIII – начала XX века). М.: ООО «Изд-во АСТ»; ООО «Изд-во Астрель»; «Изд-во «Русские словари»; «Изд-во: ООО «Транзит-книга», 2004. 666 с.
4. Куйкина Е. С. Концепт «треволнение» в поэзии А. С. Пушкина // Проблемы исторической поэтики. 2016. № 14. С. 127–139.
5. Лебедев Ю. В. Небесным пением своим он усыпил земные муки: о творчестве Ивана Ивановича Козлова // Литература в школе. 1998. № 1. С. 6–21.
6. Макогоненко Г. П. О художественном пространстве в реалистической литературе // Культурное наследие Древней Руси. М.: Наука, 1976. С. 237–245.
7. Мальчукова Т. Г. Корабль поэзии: к вопросу об источниках пушкинских морских образов // Рецепция античного наследия в русской литературе XVIII–XIX вв.: Сб. ст. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. С. 231–268.
8. Миллер Т. А. Образы моря в письмах каппадокийцев и Иоанна Златоуста: опыт сопоставительного анализа // Античность и современность: к 80-летию Федора Александровича Петровского. М.: Наука, 1972. С. 360–369.

9. Нахапетов Б. А. Образ морской волны в поэзии М. Ю. Лермонтова // Литература в школе. 1999. № 7. С. 16–20.
10. Рудакова С. В., К. Н. Батышков и Е. А. Боратынский: «диалоги» с Парни // Libri Magistri. 2015. Вып. 1. С. 50–59.
11. Рудакова С. В. Основные образно-семантические категории поэтического мира Е. А. Боратынского. Магнитогорск: МаГУ, 2013. 164 с.
12. Рудакова С. В. Пространственно-временная организация книги «Сумерки» Е. А. Боратынского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 22. С. 299–310.
13. Рудакова Т. В. Образ моря в лирике И. И. Козлова // Студент и наука (гуманитарный цикл) – 2016: Материалы всерос. студенческой научно-практ. конф. Магнитогорск: МГТУ, 2016. С. 519–522 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28389204> (дата обращения 11.03.2019).
14. Семенов И. М. Поэты пушкинской поры. М.: Худож. лит., 1970. 295 с.
15. Топоров В. Н. «О “поэтическом” комплексе моря и его психофизиологических основах» // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. Избранное. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 575–624.
16. Abramzon T. E., Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Koz'ko N. A., Tulina E. V. The consistency of lyric artistic thinking // International Journal of Environmental and Science Education. 2016. Vol. 11. No 17. P. 10185–10196.

Поступила в редакцию 28 августа 2019

Tatyana V. Rudakova, Postgraduate Student, Nosov Magnitogorsk State
Technical University (Magnitogorsk, Russian Federation)
taviru@mail.ru

IMAGE OF WAVE IN IVAN KOZLOV'S ROMANTIC LYRIC POETRY

The article analyzes the lyric poetry of Ivan Kozlov, a little-known poet of the Pushkin's era. It is proved that the poetic world, created by the blind poet, is full of visible images, which are in constant motion. The main attention in the article is focused on the study (both in terms of frequency and meaning) of one of the iconic images in Kozlov's poetry – the image of water elements. The author studies how the traditional characteristics of this image are reconsidered in the works of the poet. It is shown that for the poet the sea is both rest and storm, and that this image is not unequivocally connected with the horizon line or the vertical line. It is proved that his descriptions of water elements almost always contain a repetitive, rhythmic movement, which is transmitted through the image of a wave. That is why the main attention in the article is focused on the identification of specific properties of the wave image in Kozlov's lyrics. As a result of the research it was established that the image of a wave in Kozlov's lyrics is both an expressive detail of a landscape and a symbol of life; besides, the image of a wave for the Russian romantic poet is a heart of the universe, its rhythm, and the visual display of the heartbeat of the world. As a result of the research it was proved that in the image of a wave there are real physical properties of this natural object, as well as metaphorical, symbolical, allegorical, and mythological elements. The rhythm of a wave pictured by Kozlov conveys the pulsation of life: either tensely frightening or calming. And the very changes in the characteristic of the wave indicate the changes in the worldview of the romantic poet.

Keywords: Kozlov, lyric poetry, sea images, wave image, polysemanticism

Cite this article as: Rudakova T. V. Image of wave in Ivan Kozlov's romantic lyric poetry. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 1. P. 110–114. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.441

REFERENCES

1. Afanas'ev V. V. Life and lire: art and documentary book about a poet Ivan Kozlov. Moscow, 1977. 190 p. (In Russ.)
2. Ginzburg L. Ya. Lyric poetry. Leningrad, 1974. 409 p. (In Russ.)
3. Ivanova N. N., Ivanova O. E. Dictionary of poetry language (figurative arsenal of Russian lyric poetry between the late XVIII and the early XX centuries). Moscow, 2004. 666 p. (In Russ.)
4. Kuikina E. S. The concept of “tribulation” (anxiety) in the poetry of A. S. Pushkin. *The Problems of Historical Poetics*. 2016. No 14. P. 127–139. (In Russ.)
5. Lebedev Yu. V. He put the earthly torments to sleep by his heavenly singing: the works of Ivan Ivanovich Kozlov. *Literature at School*. 1998. No 1. P. 6–21. (In Russ.)
6. Makogonenko G. P. Art space in realistic literature. *Cultural heritage of Ancient Rus'*. Moscow, 1976. P. 237–245. (In Russ.)
7. Mal'chukova T. G. Poetry ship: the sources of Pushkin's sea images. *Reception of ancient heritage in the Russian literature of the XVIII and the XIX centuries: Collected articles*. Petrozavodsk, 2009. P. 231–268. (In Russ.)
8. Miller T. A. Images of the sea in the letters of the Cappadocians and John Chrysostom: a case of comparative analysis. *Antiquity and present: in the memory of Fyodor Aleksandrovich Petrovsky's 80th anniversary*. Moscow, 1972. P. 360–369. (In Russ.)
9. Nahapetov B. A. Image of the sea wave in M. Yu. Lermontov's poetry. *Literature at School*. 1999. No 7. P. 16–20. (In Russ.)
10. Rudakova S. V., K. Batyshkov and E. Boratynsky: “dialogues” with Parny. *Libri Magistri*. 2015. Issue 1. P. 50–59. (In Russ.)
11. Rudakova S. V. The main images and semantic categories of E. A. Boratynsky's poetic world. Magnitogorsk, 2013. 164 p. (In Russ.)
12. Rudakova S. V. The spatial and existential structure of *Twilight* by E. A. Boratynsky. *Problems of History, Philology and Culture, Journal of Historical, Philological and Cultural Studies*. 2008. No 22. P. 299–310. (In Russ.)
13. Rudakova T. V. Image of the sea in Ivan Kozlov's lyric poetry. *Students and Science (Humanitarian Cycle) – 2016. Proceedings of the All-Russian Student Research and Practice Conference*. Magnitogorsk, 2016. P. 519–522. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28389204> (accessed 11.03.2019). (In Russ.)
14. Semenko I. M. Poets of the Pushkin's era. Moscow, 1970. 295 p. (In Russ.)
15. Toporov V. N. “The “poetic” complex of the sea and its psychophysiological foundations”. *Myth. Ritual. Symbol. Image. Studies of the mythological. Selected works*. Moscow, 1995. P. 575–624. (In Russ.)
16. Abramzon T. E., Rudakova S. V., Zaitseva T. B., Koz'ko N. A., Tulina E. V. The consistency of lyric artistic thinking. *International Journal of Environmental and Science Education*. 2016. Vol. 11. No 17. P. 10185–10196.

Received: 28 August, 2019